

Нейромант

РОМАН

*Деб, которая сделала это возможным,
с любовью посвящается*

Часть первая

ТИБА-СИТИ БЛЮЗ

1

Небо над портом напоминало телеэкран, включенный на мертвый канал.

— Разве же я употребляю? — услышал Кейс, продираясь сквозь толпу к «Тацу». — Просто у моего организма острая алкогольно-наркотическая недостаточность.

И голос рожденного в Муравейнике, и шуточка муравьиная. В «Тацубо», где собирались все больше спецы-экспаты, можно просидеть неделю и слова не услышать по-японски.

Размеренными движениями протезированной руки бармен Рац выставлял на поднос кружки бочкового «Кирина». При виде Кейса он ослабил восточноевропейской сталью и коричневой гнилью. Тот нашел себе место у стойки между невероятно загорелой шлюхой из команды Лонни Зоуна и высоким африканцем в отглаженной морской форме, с аккуратными рядами племенных шрамов на щеках.

— Утром заходил Уэйдж с двумя своими. — Здоровой рукой Рац пододвинул Кейсу кружку. — Не за тобой?

Тот молча пожал плечами. Девушка справа игриво хихикнула и толкнула его локтем.

Улыбка бармена стала еще шире. О его безобразии ходили легенды. Нынче, когда красота доступна каждому — и за вполне умеренные деньги, — отсутствие оной воспринимается как нечто чуть ли не геральдическое. Допотопная механическая рука при каждом движении жалобно завывала. Это был русский военный протез — семифункциональный манипулятор с механической обратной связью, заключенный в грязно-розовый пластик.

— Слишком уж вы артист, герр Кейс. — Рац издал хрюкающий звук, заменявший ему смех. Почесал розовой клеш-

ней свисающее через ремень брюхо. — Артист слегка комического плана.

— А то, — ответил Кейс и отхлебнул пива. — Должен же кто-то в этой тошниловке ломать комедию. У тебя ведь — хрен получится.

Шлюха захихикала октавой выше.

— И у тебя, цыпа, тоже не выйдет. И вообще, вали-ка ты отсюда. Мистер Зоун — мой лучший друг.

Девица в упор взглянула на Кейса и беззвучно ошерилась. Но все-таки ушла.

— Боже! — закатил глаза Кейс. — Ну что за бордель ты здесь развел? Выпить спокойно нельзя.

— Выпить ему захотелось! — Рац усердно тер тряпкой шершавое дерево стойки. — Зоун отстегивает процент. А тебя я пускаю только в качестве аттракциона.

Кейс поднес кружку к губам, и вдруг наступила странная тишина, когда множество собеседников в разных концах зала умолкли одновременно. В следующее мгновение раздалось истерическое хихиканье шлюхи.

— Ангел пролетел, — буркнул Рац.

— Китайцы! — взревел пьяный австралиец. — Херовы китаёзы изобрели сращивание нервов. На этом, мать его, материке нервы так тебе заштопают, что и шва не заметишь, носи до гроба.

— А вот это, — сказал Кейс, глядя в стакан и чувствуя поднимающуюся откуда-то изнутри желчную горечь, — хрень собачья.

И впрямь хрень. В области нейрохирургии японцы забыли, за ненадобностью, гораздо больше, чем китайцы когда-либо знали. Подпольные клиники Тибы — передовой рубеж медицины, целые массивы техники обновляются здесь ежемесячно, но даже местные врачи не смогли выправить ущерб, причиненный Кейсу в Мемфисе.

Он проторчал здесь уж целый год, и с каждым днем мечта о киберпространстве становилась все более призрачной. Он глотал стимуляторы горстями, облазил весь Ночной Город до последней его дыры и по-прежнему видел во сне матрицу — ее яркие логические решетки, развертывавшиеся в бесцветной пустоте... Муравейник где-то там, за Тихим океа-

ном, а он больше ни оператор, ни киберковбой. Заурядный прохиндей, пытающийся выбраться из задницы. Но в японских ночах приходили сны — колдовские, острые, как удар высоким напряжением, и тогда Кейс плакал, просыпался в темноте и корчился в гробу капсульной гостиницы, руки тянулись к несуществующей клавиатуре, впивались в лежанку, и темперлон пузырями вылезал между пальцами.

— Видел вчера твою девицу, — сказал Рац, пододвигая Кейсу вторую кружку.

— Нет у меня никакой девицы, — помотал головой Кейс.

— А мисс Линда Ли?

Кейс снова помотал головой.

— Нет девушки? Совсем? Весь в делах, дружище артист? Полностью посвятил себя коммерции? — Маленькие карие глазки бармена тонули среди морщин. — С Линдой ты мне нравился больше. Чаше смеялся. А теперь ты как-нибудь так заиграешься, что окажешься в больнице. В банках, разобранный по кусочку.

— Не говори так, Рац, а то я разрыдаюсь.

Кейс допил пиво, встал и вышел под дождь, ссутулив узкие, обтянутые мокрой нейлоновой штормовкой плечи.

Проталкиваясь в толпе, затопившей улицу Нинсэй, он чувствовал запах собственного давно не мытого тела.

Кейсу шел двадцать пятый год. В двадцать два он уже был ковбоем, одним из лучших взломщиков Муравейника. Обучали его тоже лучшие специалисты, легендарные Маккой Поли и Бобби Куайн. В почти постоянном адреналиновом возбуждении, присутствии молодости и профессионализму, Кейс подключался к изготовленной по спецзаказу киберпространственной деке, которая проецировала его освобожденное сознание на консенсуальную галлюцинацию матрицы. Он был вором и работал на других, более состоятельных воров, на заказчиков, а они снабжали его экзотическим софтом, без которого не просочишься сквозь сверкающие стены корпоративных систем, не прогуляешься по богатому полю данных.

Кейс совершил классическую ошибку, ту самую, которую клялся никогда не совершать. Он обокрал заказчиков. Утаил

кое-что для себя и пытался толкнуть это кое-что через амстердамского барыгу. Он до сих пор не понимал, как его вычислили, хотя сейчас это было совершенно не важно. Кейс думал, что умрет, но они только улыбались. Деньги, говорили они, ну конечно же, кто же не хочет денег. И они тебе здорово понадобятся. Потому что — ослепительная улыбка — мы сделаем так, что ты никогда уже не сможешь работать.

Они повредили его нервную систему русским боевым микотоксином.

В мемфисской гостинице, привязанный к кровати, Кейс галлюцинировал тридцать часов кряду, пока выгорал микрон за микроном его талант.

Нарушение было мельчайшее, едва ощутимое и вместе с тем крайне эффективное.

Для Кейса, который жил лишь ради восторга бестелесных странствий в киберпространстве, это означало полный крах. В барах, куда он ходил прежде, элитарный статус удачливого ковбоя подразумевал отстраненное презрение к плоти. Тело? Это просто кусок мяса. И вот теперь Кейс стал пленником собственного мяса.

Бывший ковбой незамедлительно превратил все свои активы в пухлую пачку новых иен — старинной бумажной валюты, которая, подобно морским ракушкам аборигенов Новой Гвинеи, беспрерывно циркулировала по замкнутому кругу мировых черных рынков. В Муравейнике с трудом, но все же удавалось вести легальный бизнес на наличные деньги, однако в Японии это строго воспрещалось.

И все же Кейс был уверен, что в Японии ему помогут. В Тибете. Либо в обычной клинике, либо в сумеречном царстве подпольной медицины. Тибета-Сити ассоциировался с имплантацией, сращиванием нервов, микробионикой и как магнит притягивал к себе технокриминальные элементы Муравейника.

За два месяца анализов и консультаций от Кейсовых иен не осталось ровно ничего. Врачи подпольных клиник, бывшие последней его надеждой, только поражались изощренности увечья и скорбно качали головой.

Теперь он спал в припортовых, самых дешевых гробах, под прожекторами, которые всю ночь, как необъятную сцену,

освещали доки; и сияние телевизионного неба затмевало не только огни Токио, но даже огромный голографический знак «Фудзи электрик», а Токийский залив представлялся обширной черной гладью, где чайки кружат над дрейфующими островками белого пенопласта. Дальше за портом лежал город — купола заводов, над которыми возвышались прямоугольные силуэты корпоративных зданий. Порт и город разделяла узкая безымянная полоска старых улочек. Ночной Город с улицей Нинсэй в сердце. Днем бары вдоль Нинсэй закрывались и выглядели невзрачно: неон мертв, а неподвижные голограммы терпеливо ожидали, когда же под отравленное серебристое небо придет ночь.

В чайной под названием «Жарр де Тэ», в двух кварталах от «Таца», Кейс запил первое ночное колесо крепким двойным эспрессо. Эту плоскую розовую восьмиугольную таблетку — мощный бразильский декседрин — он купил у одной из зоуновских девиц.

Стены здесь были зеркальные, каждая панель — в обрамлении красных неоновых трубок.

Оставшись почти без денег и без надежды вылечиться, Кейс пришел в какое-то исступление и принялся добывать свежий капитал с холодной, будто бы чьей-то чужой энергией. В первый же месяц он замочил двух мужчин и одну женщину из-за сумм, которые еще год назад показались бы ему смехотворными. Нинсэй изнуряла его и скоро стала казаться внешней проекцией внутреннего стремления к смерти, таинственного яда, который постепенно переполнял тело.

Жизнь Ночного Города похожа на бестолковый эксперимент в области социального дарвинизма; зевающий от скуки исследователь ни о чем не думает, а знай себе поддает жару. Перестань шустрить — и тут же бесследно утонешь, но чуть переусердствуй — и нарушишь хрупкое поверхностное натяжение черного рынка; и так и сяк — тебя нет, ничего не осталось, кроме смутных воспоминаний о тебе у старожилов вроде Раца, да вдобавок сердце, легкие или почки в больничных колбах, которые еще могут пригодиться какому-нибудь богатенькому засранцу.

Бизнес требовал постоянной интуиции, и смерть воспринималась как естественное наказание за лень, беззаботность,

отсутствие такта, за неумение приспособиться к запутанному этикету черного рынка.

Однако, сидя за столиком в «Жарр де Тэ» и чувствуя, как под действием таблетки потеют ладони, вздрагивают волоски на руках и груди, Кейс неожиданно осознал, что давно уже играет в древнюю игру обреченных, азартно раскладывает смертельный пасьянс отчаяния. Он больше не носил оружия и не принимал никаких мер предосторожности. Он заключал поспешные необдуманные сделки прямо на улице и приобрел репутацию человека, способного достать все, что угодно. Какая-то часть его сознания понимала, что ослепительный блеск самоуничтожения не может не броситься в глаза заказчикам, которых, кстати, становилось все меньше. Однако та же самая часть буквально млела в предвкушении близкого конца. И эту же самую часть, в тепле и уюте ожидавшую смерти, особенно раздражали любые мысли о Линде Ли.

Он познакомился с ней в аркаде¹ одним дождливым вечером.

Под яркими призраками, сияющими в голубом сигаретном тумане, среди голограмм «Замка колдуна», «Танковой войны в Европе», «Полета над Нью-Йорком»... Буйные сполохи лазерного света превращали ее лицо в код: скулы вспыхивали алым, когда пылал замок колдуна, лоб высвечивался лазурью, когда в Мюнхен входили танки, и рот озарялся жарким золотом, когда скользящий курсор высекал искры в каньоне небоскребов. В тот вечер он чувствовал себя богачом: Уэйджев брикет кетамина отправлен в Йокогаму, капуста уже в кармане. Кейс спрятался от теплого дождя, хлеставшего по тротуарам Нинсэй, и как-то сразу из множества посетителей выделил девушку, которая играла с истинным самозабвением. Несколькими часами позже, в припортовом гробу, он опять рассматривал то же самое восторженное выражение ее сонного лица и губы, похожие на птичку, какую рисуют дети.

Гордый от заключенной сделки, Кейс направился к девушке и вдруг поймал на себе ее взгляд. Серые глаза, густо

¹ В начале 1980-х — устоявшееся на Западе название для зала игровых автоматов. Впоследствии этот термин стал обозначать один из видов компьютерных игр.

обведенные черным карандашом. Взгляд животного, парализованного светом приближающегося автомобиля.

Их совместная ночь перешла в утро, в билеты на паром и его первую поездку на ту сторону залива. Дождь хлестал не переставая, сек струями квартал Харадзюку, скатывался каплями по ее синтетической курточке, обдавал водяной пылью токийских подростков в белых кроссовках и блестящих накидках, шумными группками бродивших мимо знаменитых бутиков, а к полуночи Кейс с Линдой стояли в шумном зале для игры в патинко, и она держалась за его руку, словно ребенок.

Через месяц из-за веществ и чрезмерного напряжения эти постоянно испуганные глаза превратились в бездонные колодцы наркотической жажды. Кейс наблюдал, как, словно айсберг, разваливается на куски ее личность; в конце концов осталась только нездоровая страсть, голый остов пагубной привычки. Она тянулась к очередной дозе с упорством насекомого и напоминала ему богомол, которые продавались в киосках на улице Сига рядом с голубыми карпами-мутантами и сверчками в бамбуковых клетках.

Кейс посмотрел в пустую чашку на черное колечко кофейной гущи. Оно дрожало — малоудивительно, после амфетамина-то. Коричневую столешницу покрывала тусклая паутина крошечных царапинок. Чувствуя дексовую волну, вздымающуюся вдоль позвоночника, Кейс думал о том, какое бесчисленное количество случайных ударов потребовалось, чтобы создать такую поверхность. «Жарр» был обставлен в почтенной безмянной манере прошлого века, этакая смесь традиционного японского стиля с блеклым миланским пластиком, однако все здесь казалось покрытым тончайшей пленкой, словно расшатанные нервы миллионов посетителей каким-то образом подействовали на зеркала и блестящую прежде пластмассу, оставив на каждой поверхности свой неизгладимый след.

— Привет, Кейс!

Он поднял голову и увидел серые глаза, густо обведенные карандашом. На девушке были поношенный французский орбитальный комбинезон и новехонькие белые кроссовки.

— А я все тебя ищу.

Девушка села напротив и положила локти на стол. Исчерканные молниями голубые рукава зияли прорехами, и Кейс

привычно искал признаки дермов или инъекций на ее руках.

— Курить будешь?

Она вытащила из подколенного кармана мятую пачку сигарет «Ехэюань» и красную пластиковую зажигалку. Кейс закурил.

— Хорошо спишь, Кейс? А то вид у тебя усталый.

Судя по акценту, она происходила из южной части Муравейника — откуда-нибудь близ Атланты. Ее щеки имели бледный нездоровый цвет, хотя тело все еще выглядело гладким и крепким. Ей было двадцать. В уголках губ появились новые морщинки. Темные волосы стягивала шелковая ленточка с узором. Рисунок изображал то ли микросхему, то ли карту какого-то города.

— Совсем не сплю, разве что забуду про таблетки, — ответил Кейс и вдруг ощутил прилив сильного желания — вождение и одиночество оседлали амфетаминовую волну. Он вспомнил запах ее кожи в жаркой темноте припортового гроба, пальцы, сплетенные у него на пояснице.

«Мясо, — подумал Кейс, — мясо хочет мяса».

— Уэйдж... — сказала девушка, сузив глаза. — Он жаждет увидеть тебя с дыркой во лбу.

Она закурила.

— Кто сказал? Рац? Ты говорила с Рацем?

— Нет. Мона. Ее новый парень работает на Уэйджа.

— Не так уж много я ему и должен, — пожал плечами Кейс. — А если он меня прикончит, то не получит вообще ничего.

— Слишком уж много у него должников, а тебя пришьют — другие задумаются. Так что смотри в оба.

— Ладно. Ну а как ты, Линда? У тебя есть где переночевать?

— Переночевать? Конечно есть, как же без этого.

Девушка дернулась и чуть не упала со стула. Ее лицо покрылось потом.

— Вот. — Кейс вытащил из кармана скомканную полусотню, кое-как ее разгладил, сложил вчетверо и протянул девушке.

— Они пригодятся тебе самому, дорогуша. Отдай их лучше Уэйджу. — В ее серых глазах светилось что-то непонятное, чего он раньше не видел.

— Я должен Уэйджу гораздо больше. Возьми. Я тут скоро еще получу, — солгал Кейс, глядя, как его деньги исчезают в кармане с молнией.

— Как только получишь, сразу ищи Уэйджа.

— Увидимся, — сказал Кейс и встал из-за стола.

— Конечно. — В глазах девушки под радужкой виднелось по миллиметру роговицы. Сампаку¹. — Так что ты поосторожнее.

Он кивнул и почувствовал сильнейшее желание оказаться как можно дальше отсюда.

Закрывая пластиковую дверь, Кейс оглянулся и увидел отражение ее глаз, обрамленное красным неонам.

Пятница, вечер, улица Нинсэй.

Кейс шел мимо лотков с якитори, мимо массажных кабинетов, мимо фирменной кофейни «Прекрасная девушка», мимо электронного грохота аркады. В одном месте он уступил дорогу смуглому сараримену, попутно заметив у того фирменный знак «Мицубиси-Генотех», вытатуированный на тыльной стороне правой кисти.

Настоящий знак или картинка для хвастовства? Так или иначе, подумал Кейс, мужик этот прямо напрашивается на крупные неприятности. А если знак липовый — то и подделом. Служащим «М-Г», достигшим определенного уровня, имплантируют новейшие микропроцессоры, которые замеряют содержание мутагенов в крови. С таким прибором в Ночном Городе залетишь на гоп-стоп как пить дать — на гоп-стоп и дальше, напрямиком в подпольную клинику.

Сараримен был японцем, но по большей части толпа на Нинсэй состояла из гайдзинов — приезжих. Шли из порта группки моряков, озабоченные одинокие туристы искали удовольствий, не указанных в путеводителях, шустрилы из Муравейника шеголяли искусственными бицепсами и имплантатами, сновали всевозможные мошенники — все двигалось в сложном танце желаний и купли-продажи.

И хотя бесчисленные теории объясняли, почему в Тибасити терпели район Нинсэй, Кейс склонялся к мысли, что

¹ «Три белыны» (яп.) — состояние глаз, при котором над нижним веком постоянно видна полоска роговицы. Согласно восточному поверью, таким образом закаченные глаза пророчат скорую смерть.

якудза сберегла это место в качестве исторического заповедника — как памятник скромному истоку своей деятельности. Не лишенным смысла казалось и утверждение, что бурно развивающимся технологиям нужны зоны беззакония и Ночной Город существует не как среда обитания, а как намеренно ничем не ограниченный производственный полигон.

Кейс смотрел на уличные огни и думал: права ли Линда? Способен ли Уэйдж убить его в назидание остальным? Смысла как-то мало, однако, с другой стороны, Уэйдж торговал в основном запрещенными биопрепаратами, а для этого нужно быть полным психом.

Итак, Линда утверждает, что Уэйдж хочет его смерти. Основное открытие Кейса в динамике уличной торговли состояло в том, что на самом деле ни покупатель, ни продавец в нем не нуждаются. Посредник — неизбежное зло, в этом, собственно, и состоит его бизнес. Сомнительная ниша, которую Кейс создал в криминальной экологии Ночного Города, выдалбливалась обманом и еженощно углублялась предательством. И теперь, услышав, что стены этой ниши трещат, он чувствовал себя на гребне странной эйфории.

Неделю тому назад, стараясь снять большую, чем обычно, маржу, Кейс задержал продажу синтетического glandularного экстракта. Вряд ли Уэйджу это понравилось. Уэйдж — его главный поставщик, он провел в Тибете девять лет и был одним из немногих иностранцев, кому удалось наладить связь с замкнутым, строго иерархичным преступным истеблишментом за пределами Ночного Города. Генетические материалы и гормоны проникали на Нинсэй по таинственной цепочке связанных. Однажды Уэйджу каким-то образом удалось выяснить, откуда поступает товар, и теперь у него были прочные связи с дюжиной городов.

Кейс очнулся от размышлений у витрины магазина. Здесь продавали морякам маленькие блестящие штучки: часы, пружинные ножи, зажигалки, карманные видеодвойки, симстим-деки, массивные цепочки-манрики и сюрикэны. Эти стальные звездочки с острыми как бритва лучами всегда его восхищали. Одни — хромированные, другие — черные, третьи — с радужными, как нефть на воде, разводами. Хромированные — просто загляденье. Лежат на алой ультразамше, прикрепленные едва заметной нейлоновой леской,

в центре каждой выдавленный инь—ян или дракончик. Сюрикэны переливались уличным неоном, и Кейсу на мгновение показалось, что это и есть его путеводные звезды, что его судьба читается в созвездии грошовых хромированных железок.

— Жюли, — сказал им Кейс. — Пора навестить старину Жюли. Он все знает.

Джулиусу Дину было сто тридцать пять лет, и он упорно замедлял свой метаболизм еженедельным приемом сывороток и гормонов. Но его главным оружием против старения было ежегодное паломничество в Токио, где хирурги-генетики совершали недоступную в Тибете операцию — восстанавливали генетический код. После омоложения Дин летел в Гонконг, где заказывал годовой запас костюмов и рубашек. В жизни этого бесполого, нечеловечески спокойного человека была одна-единственная страсть: он исповедовал наиболее эзотерические разновидности тряпкопоклонства. И хотя его гардероб чуть ли не целиком состоял из тщательных реконструкций одежды прошлого столетия, Кейс ни разу не видел, чтобы Джулиус надел один и тот же костюм дважды. Дин носил очки в тончайшей золотой оправе с линзами, вырезанными из пластинок розового синтетического кварца и обточенными наподобие зеркал викторианского кукольного домика.

Его контора помещалась неподалеку от Нинсэй, в складском помещении, много лет назад частично обставленном разношерстной европейской мебелью, словно Дин и вправду собирался здесь жить. В комнате, где находился сейчас Кейс, вдоль стены пылились громоздкие книжные шкафы в новоацтекском стиле. На низком кофейном столике из ярко-алой стали, будто изготовленном Кандинским, неуклюже примостились две пузатые настольные лампы в стиле Диснея. На стене, между книжными шкафами, висели часы а-ля Сальвадор Дали, их искореженный циферблат стекал прямо на бетонный пол. Голографические стрелки в точности повторяли мельчайшие изгибы причудливого циферблата, но почему-то всегда показывали неправильное время. Повсюду стояли белые стекловолоконные упаковки, источавшие резкий запах имбиря.

— Хвоста за тобой вроде нет, — раздался из ниоткуда голос Дина. — Ну, давай, сынок, входи.

Слева от книжных шкафов шелкнули магнитные запо- ры массивной, отделанной под розовое дерево двери. К по- лированному пластику были приклеены — и почти уже от- клеились — большие буквы: «ДЖУЛИУС ДИН. ИМПОРТ- ЭКСПОРТ». И если в импровизированной приемной обста- новка воспроизводила конец прошлого века, то в самом кабинете она соответствовала его началу.

Из светового пятна, созданного старинной медной лам- пой с темно-зеленым прямоугольным абажуром, на Кейса смотрело гладкое розовое лицо. Импортер восседал за огром- ным металлическим письменным столом, с обеих сторон его окружали шкафы из светлого дерева с многочисленными ящичками. Кейс предполагал, что в них, вероятно, раньше хранились какие-то записи. Столешницу заваливали раз- бросанные кассеты, рулоны пожелтевших распечаток и дета- ли допотопной механической пишущей машинки, до кото- рой у Дина никогда не доходили руки.

— Так чем же обязан чество? — спросил импортер, в ру- ке его появилась тоненькая карамелька в бело-голубом клетчатом фантике. — Попробуй. «Тин-Тин-Дьяхе», самые лучшие.

Кейс отрицательно мотнул головой, сел на гнутый дере- вянный стул и провел большим пальцем по едва заметному рубчику черных джинсов.

— Жюли, я слышал, что Уэйдж хочет меня убить.

— А-а-а... Ну, тогда... А от кого ты это слышал, позволе- но будет узнать?

— От людей.

— От людей, — повторил Дин, посасывая имбирную ка- рамельку. — И что же это за люди? Друзья?

Кейс кивнул.

— Не всегда ведь и поймешь, кто твой друг, верно?

— Я немного задолжал Уэйджу. Он ничего тебе не го- ворил?

— В последнее время я с ним не общался, — вздохнул Дин. — Но и знай я что-нибудь, все равно ничего бы тебе не сказал. Исходя из положения вещей.

— Положения вещей?

— Уэйдж — важное звено, Кейс.

— Он действительно хочет меня убить?

— Этого я не знаю. — Дин равнодушно пожал плечами; сторонний наблюдатель мог бы подумать, что они обсуждают цены на имбирь. — Если слух не подтвердится, возвращайся, сынок, где-нибудь через недельку, я подкину тебе малость сингапурского товару.

— Из отеля «Нан-Хай», что на Бенкулен-стрит?

— Болтай поменьше! — ухмыльнулся Дин.

Металлический стол был под завязку забит оборудованием, исключаяющим прослушивание.

— Ладно, до встречи, Жюли. Пойду передам привет Уэйджу.

Пальцы Дина поправили идеальный узел светлого шелкового галстука.

Кейс не прошел и квартала, как внезапно, прямо-таки на клеточном уровне почувствовал, что кто-то плотно сел ему на хвост.

Мания преследования была для Кейса нормальным профессиональным заболеванием, как силикоз для шахтеров; он давно воспринимал эту слабость как нечто само собой разумеющееся. Хитрость состояла в том, чтобы не позволить ей выйти из-под контроля, но порой это было довольно затруднительно из-за большого количества закаченных колес. Кейс справился с приливом адреналина и, придав своему узкому лицу выражение скучающей рассеянности, притворился праздным гулякой. Через некоторое время он увидел затемненную витрину и остановился рядом. Это был хирургический бутик, закрытый на ремонт. Сунув руки в карманы, Кейс разглядывал плоский шмат искусственной плоти, лежащий на резной, поддельного нефрита, подставке. Кожа образца напомнила ему «загар» шлюх Зоуна, на ней тускло, как татуировка, мерцал цифровой дисплей, управляемый подкожным чипом. «Зачем, — подумал Кейс, чувствуя, как пот струится по ребрам, — нужно вживлять микросхему, если ее можно просто носить в кармане?»

Не поворачивая головы, одними глазами он изучал отражение проходящей мимо толпы.

Вот.

За моряками в рубашках хаки с короткими рукавами. Темные волосы, зеркальные очки, темная одежда, стройный...

Исчез.

Низко пригнувшись, петляя между прохожими, Кейс побежал по улице.

— Одолжи мне ствол.

Шин улыбнулся:

— Через два часа.

Окруженные запахами свежевывловленной морской живности, они стояли в подсобке павильона, торгующего суси на улице Сига.

— Приходи через два часа.

— Мне нужно сейчас. Поищи, может, есть что-нибудь.

Шин пошарил за пустыми двухлитровыми банками из-под тертого хрена и извлек на свет божий продолговатый, завернутый в серую клеенку пакет:

— Тазер. Один час, двадцать нью-иен. Залог тридцать.

— На хрена он мне? Мне нужен пистолет. А то пойду я вот сейчас гулять, и захочется мне кого-нибудь шлепнуть. Ну и куда же я тогда без пистолета?

Официант пожал плечами и водворил тазер на прежнее место:

— Через два часа.

Кейс вошел в магазин, даже не взглянув на выставку сюрикэнов. Он не метал их ни разу в жизни.

С помощью кредитного чипа Мицубиси-банка на имя Чарльза Дерекса Мея он купил две пачки «Ехэюань»; чип этот служил Кейсу вместо паспорта.

Продавщица-японка выглядела на несколько лет старше старины Дина; правда, свои годы она прожила без помощи достижений науки. Кейс вынул из кармана тощую стопку нью-иен:

— Я хочу купить оружие.

Продавщица показала на витрину с ножами.

— Нет, — сказал Кейс, — я не люблю ножи.

Тогда женщина вытащила из-под прилавка продолговатую коробку. На желтом картоне крышки грозно раздувала капюшон аляповатая, свернувшаяся кольцами кобра. Под

крышкой лежали восемь одинаковых цилиндров в бумажной упаковке. Кейс молча наблюдал, как коричневые, в желтых старческих пятнах пальцы разворачивают обертку. Женщина показала ему матовую стальную трубочку с кожаной петлей на одном конце и маленькой бронзовой пирамидкой на другом. Она взяла трубку в одну руку, а другой потянула за пирамидку. Наружу вылетели и зафиксировались три промасленных телескопических сегмента туго навитой пружины.

— «Кобра», — сказала продавщица.

Небо над неоновыми конвульсиями Нинсэй приобрело сероватый оттенок. Сегодня воздух обдирает легкие, словно наждачная бумага; на многих прохожих были фильтрующие маски. Кейс провел в уборной целых десять минут, пытаясь пристроить «кобру» поудобнее, но в конце концов попросту заткнул ее за пояс. Прикрытый штормовкой пирамидальный конец тыкался под ребра. При каждом шаге эта штукавина грозила вывалиться на землю, но все же с ней было как-то спокойнее.

«Тац» не очень-то процветал и в будние вечера привлекал в основном постоянную клиентуру. Зато по пятницам и субботам он выглядел совсем иначе. И хотя в эти дни многие завсегдатаи приходили тоже, они как-то терялись среди массы подвыпивших моряков и профессиональных воришек, охотившихся за их кошельками. Войдя в бар, Кейс искал глазами Раца, но тот куда-то исчез. Местный сутенер Лонни Зоун остекленевшим взором подвыпившего папаши наблюдал, как одна из его девочек обрабатывает юного моряка. Сводник употреблял балду, которую японцы называют «облачные танцовщицы». Поймав на себе его взгляд, Кейс помахал рукой. Лонни неторопливо подошел, его анемичное продолговатое лицо выражало безмятежное спокойствие.

— Лонни, ты видел сегодня Уэйджа?

Зоун посмотрел на Кейса и медленно покачал головой.

— Зуб даешь?

— А может, и видел. В «Намбане». Часа два назад.

— С ним были ребята? Один такой стройный, с темными волосами, наверное, в черной куртке?

— Нет, — сказал Зоун после длительных раздумий; морщины на его лбу должны были свидетельствовать о мучительных усилиях, необходимых, чтобы вспомнить столь мелкие подробности. — Здоровые такие ребята. С искусственными бицепсами.

Под прикрытыми веками Зоуна проглядывали крохотные белки, еще меньшие радужки и огромные расширенные зрачки. Он долго смотрел Кейсу в лицо, затем опустил взгляд. Заметил выпирающий стальной хлыст. Многозначительно поднял бровь и сказал:

— «Кобра». Ты хочешь кого-то замочить?

— Пока, Лонни.

И Кейс покинул бар.

Хвост вернулся. Кейс знал это наверняка. К обычному наркотическому возбуждению добавилось нечто новое, он почувствовал приступ восторга. «Чему радуешься, — подумал он, — псих ненормальный?»

Каким-то непостижимым образом обстановка напоминала матрицу. Устань, окажись в отчаянно неожиданном положении, и ты увидишь Нинсэй информационным полем (примерно так же однажды матрица напомнила ему протеины, сцепляющиеся друг с другом, чтобы задать специализацию клетки). Тогда можешь броситься в головокружительный акробатический полет, отдаться ему целиком, ни на секунду не забывая о своей отделенности, а вокруг тебя бушует неудержимый танец чисел — сделки, счета, котировки, — и ты видишь, как базы данных претворяются в плоть лабиринтов черного рынка...

«Давай, Кейс, — говорил он сам себе. — Надери их. Вот уж чего они никак не ожидают».

Кейс находился в полуквартале от игровой аркады, где когда-то познакомился с Линдой Ли.

Расталкивая гуляющих матросов, он бросился через улицу. Ему вслед заорали по-испански. Кейс открыл дверь, и оттуда рванулся грохот, похожий на рев прибоа, и мощный инфразвук отозвался даже не в ушах, а где-то в желудке. Кто-то нанес десятимегапонный удар в «Танковой войне», и теперь чудовищный огненный шар, имитирующий воздушный ядерный взрыв, превращался в голограммный клубя-

щийся дымный гриб, вся аркада утонула в белом шуме. Кейс бросился вправо и побежал по некрашеным ступенькам вверх. Как-то он приходил сюда с Уэйджем договариваться о запрещенных гормональных триггерах с неким Мацугой. Кейс припоминал этот коридор, грязную циновку, ряд одинаковых дверей, ведущих в крохотные кабинетики. Одна дверь была открыта. Из-за белого терминала подняла голову молоденькая японочка в черной майке; за ее спиной виднелся постер, рекламирующий поездку в Грецию, — голубизна Эгейского моря заляпана округлыми иероглифами.

— Вызови охрану, — сказал Кейс.

И помчался дальше. Две последние двери были закрыты и, скорее всего, заперты. Он развернулся и припечатал нейлоновой подошвой кроссовки самую дальнюю по коридору дверь, сделанную из синего пластика. Раздался хруст, слабые петли вырвало из хлипкого косяка. Темнота и белый изгиб компьютерного терминала. Кейс бросился направо к следующей двери, схватился за прозрачную пластмассовую ручку и навалился изо всех сил. Что-то щелкнуло, и он оказался в комнате. В той самой, где они с Уэйджем видели в тот раз Мацугу, но от подставной фирмы, которая здесь размещалась, не осталось и следа... Ни терминалов, ничего. Только тусклый уличный свет, сочащийся сквозь закопченный пластик. Кейс заметил торчащую из стенки змею световодного кабеля, кучу пустых пакетов от какой-то японской жратвы и электрический вентилятор без лопастей.

Окно было заделано куском дешевой, некогда прозрачной пластмассы. Кейс снял куртку, обмотал правую руку и ударил. Окно треснуло, еще два удара, и оно вылетело из рамы. То ли из-за разбитого окна, то ли стараниями девушки сквозь приглушенный хаос игры начала завывать тревожная сирена.

Кейс обернулся, накинул куртку и раскрыл «кобру». Он ждал, что преследователь заметит выбитую дверь и бросится сначала туда. Бронзовая пирамидка на конце упругого стального хлыста раскачивалась, вторя ударам пульса.

Время шло, однако ничего не происходило. Только завывала сирена, гремели игры, колотилось сердце. И тогда, как полузабытый друг, вернулся страх. Но не холодная, четкая дексовая паранойя, а обыкновенный животный ужас. Кейс

так долго прожил в постоянной тревоге, что почти забыл вкус настоящего страха.

В такой конуре убить человека проще простого. И он может здесь умереть. У них может быть оружие.

В дальнем конце коридора что-то грохнуло. Какой-то мужчина заорал по-японски. Дикий ужасный вопль. И снова грохот.

Неторопливые приближающиеся шаги.

Кто-то проходит мимо двери. Тишина, только три торопливых удара сердца. Возвращается. Раз! Два! Три! Скрипнула под каблуком циновка.

Остатки декседриновой смелости рухнули. В слепом, нерассуждающем ужасе, чувствуя, как звенят от напряжения нервы, Кейс сложил «кобру» и подкрался к окну. Не отдавая отчета в своих действиях, он вскочил на подоконник и прыгнул вниз. Столкновение с мостовой послало вдоль голени острые клинья боли.

Узкая полоса света из полуоткрытого служебного люка падала на клубок проводов, разбитые платы и консоль древнего компьютера. Кейс лежал лицом вниз на сырой древесно-стружечной плите; придя в себя от удара, он сразу перекатился в тень. Окно, откуда он выпал, слабо светилось. Здесь завывание сирены слышалось громче, а шум игрового зала, отгороженного стеной, — тише.

В окне появилась и тут же исчезла чья-то голова. Опять появилась, но черты лица не разобрать. Только вместо глаз — серебряный блеск.

— Вот же мать твою! — произнес женский голос с акцентом северного Муравейника.

Голова исчезла и больше не появлялась. Лежа под консолью, Кейс сосчитал до двадцати и встал. Несколько секунд он тупо смотрел на собственную руку и зажатую в ней «кобру», а потом заковылял по улице, прихрамывая и стараясь поменьше ступать на левую ногу.

Интересно, где это Шин откопал такую рухлядь, ведь пистолетику этому лет пятьдесят, никак не меньше. Вьетнамская копия бразильской пародии на «Вальтер ППК», самовзвод с очень тугим спуском, приспособлен под винтовочный патрон двадцать второго калибра. Да и в патронах не

настоящие разрывные пули, а китайская дешевка, свинцовые с пустотелым концом. И все-таки это пистолет, с восьмью патронами в обойме и одним в стволе; выйдя из лавчонки Шина на улицу Сига, Кейс то и дело опускал руку в карман и поглаживал красную пластиковую рукоятку, украшенную рельефными драконами. Свернув на Нинсэй, он выбросил «кобру» в первый же мусорный ящик и проглотил, не запиная, очередной восьмиугольник.

Подхлестнутый таблеткой, он стремительно помчался по Нинсэй и далее по Байицу. Хвост, похоже, отстал, и это тоже радовало. Ему нужно позвонить, погоня погоней, но бизнес не ждет. Недалеко от порта на улице Байицу стоял безобразный десятиэтажный дом из желтого кирпича. Его окна уже погасли, но, если задрать голову, можно было различить слабое свечение, идущее с крыши. Потухшая неоновая вывеска у главного входа гласила: «Дешевый отель»; далее шли сплошные иероглифы. Если гостиница и имела другое название, то Кейс его не знал, потому что ее везде называли не иначе как «Дешевый отель». Свернув с Байицу в узкий проулок, вы оказываетесь у основания прозрачной шахты. Лифт к «Дешевому отелю» пристроили позднее, с помощью бамбука и эпоксидки. Кейс забрался в кабину и вставил в щель свой индивидуальный ключ — обренок жесткой магнитной ленты.

Кейс арендовал здесь гроб в первый же день по прибытии в Тибу и возобновлял договор еженедельно. Однако он ни разу здесь не спал. На ночь он перебирался в другие, еще более дешевые заведения.

Исцарапанные, засаленные стенки кабины провоняли дешевыми духами и сигаретами. Когда лифт прошел пятый этаж, Кейс увидел уличные фонари Нинсэй. Постукивая пальцами по рукоятке пистолета, он дождался, пока лифт со змеиным шипением не остановится. Как всегда, остановка сопровождалась сильным толчком, но он к этому привык. Выйдя из лифта, он очутился на зеленой лужайке, служившей одновременно гостиничным холлом. Посреди синтетического газона за полукруглой компьютерной консолью сидел мальчишка-японец; он читал какой-то учебник. Над пацаном возвышались строительные леса с фиброгласовыми гробами. Шесть ярусов, по десять гробов в каждом, с каждой

из четырех сторон. Кейс кивнул мальчишке и пошкандыбал к ближайшей лестнице. И хотя все сооружение было покрыто листами дешевого слоистого пластика, которые трещали от сильного ветра и текли во время дождя, сами гробы были довольно прочными, вскрыть такую капсулу без ключа было не так-то и просто.

Длинный решетчатый трап вибрировал под ногами, пока Кейс пробирался по третьему ярусу к своему номеру, 92-му. Все гробы были по три метра длиной и имели овальный люк в один метр шириной и чуть меньше полутора метров высотой. Кейс вставил магнитный ключ в щель и подождал, пока компьютер не подтвердит его подлинность. Магнитные запоры громко щелкнули, и, скрипя пружинами, люк поднялся. Вспыхнули флюоресцентные лампы, Кейс заполз внутрь, закрыл за собой люк и заперся на механический засов.

В «номере» не было другой мебели, кроме маленького карманного компьютера «хитачи» и небольшого холодильника. В белом пенопластовом шкафчике лежало все, что осталось от трех десятикилограммовых брусков сухого льда, обернутых плотной бумагой, чтобы меньше испарялись, а также небольшой алюминиевый контейнер. Присев на коричневом поролоновом мате, который служил одновременно и полом и кроватью, Кейс вынул из кармана пистолет и положил его на холодильник. Затем снял куртку. В одну из изогнутых стен гроба был встроен пульт бытового компьютера, а напротив висела табличка, сообщавшая гостиничные правила на семи языках. Кейс снял розовую телефонную трубку и набрал по памяти гонконгский номер. Прослушав пять длинных гудков, он повесил трубку. Покупатель трех мегабайт информации, висевшей в оперативке его «хитачи», не отвечал.

Тогда он позвонил по токийскому номеру.

В трубке женский голос что-то сказал по-японски.

— Ловчила дома?

— Рад тебя слышать, — вступил в разговор Ловчила. — Я ждал твоего звонка.

— Тут появилась музыка, которую ты хотел. — Кейс посмотрел на холодильник.

— Очень рад. Но у нас проблемы с наличностью. Ты можешь подождать?

— Слушай, мне очень нужны деньги...

В трубке раздались короткие гудки.

— Ну ты говно. — И Кейс с сомнением уставился на дешевый маленький пистолет. — Странно это все, — добавил он. — И чем дальше, тем страньше.

Держа руки в карманах, причем одна рука сжимала пистолет, а другая — алюминиевый контейнер, Кейс вошел в «Тац». До рассвета оставался еще добрый час.

Прислонившись к стенке, взгромоздив все свои сто двадцать кило на скрипучий стул, Рац сидел за дальним столиком ипил из пивной кружки минералку «Аполлонарис». За стойкой работал бразилец Курт, который присматривал за несколькими, в основном тихими, пьяницами. Рац поднял надсадно гудящим протезом кружку, сделал глоток и поставил ее на место.

— Плохо выглядишь, дружище артист, — сказал он, демонстрируя непотребное содержимое своего рта.

— Наоборот, я чувствую себя отлично, — улыбнулся Кейс, и его лицо стало похоже на оскаленный череп. — Сверхотлично.

Он плюхнулся на стул напротив Раца, по-прежнему держа руки в карманах.

— Ага, и ты шляешься с места на место в своем переносном бомбоубежище из водки и стимуляторов. Наилучшая защита от неприятных эмоций?

— Слушай, отстал бы ты от меня со своими шуточками. Уэйдж тут не пробегал?

— Защита от страха и одиночества, — продолжал бармен. — Прислушайся к своему страху. Может быть, он — твой друг.

— Ты ничего не слышал о потасовке в аркаде, Рац? Кто-нибудь ранили?

— Кто-то порезал охранника. — Бармен равнодушно пожал плечами. — Вроде девица какая-то.

— Я хочу поговорить с Уэйджем, Рац. Я...

— Да? — Губы бармена неожиданно сжались в прямую линию. Он смотрел мимо Кейса на входную дверь. — Сейчас поговоришь.

Содержание

НЕЙРОМАНТ. Роман. Перевод М. Пчелинцева.	5
СОЖЖЕНИЕ ХРОМ. Рассказы	
Предисловие. Брюс Стерлинг Перевод А. Комаринец под ред. А. Черткова	277
Джонни Мнемоник. Перевод А. Етоева, А. Черткова	282
Континуум Гернсбека. Перевод А. Гузмана	306
Осколки голографической розы. Перевод А. Комаринец под ред. А. Черткова	319
Принадлежность. Джон Ширли, Уильям Гибсон Перевод В. Ларионова под ред. А. Черткова	326
Зона влияния. Перевод А. Комаринец под ред. А. Черткова	341
Красная звезда, зимняя орбита. Брюс Стерлинг, Уильям Гибсон Перевод С. Красикова	364
Отель «Новая роза». Перевод А. Комаринец под ред. А. Черткова	387
Зимний рынок. Перевод А. Корженевского	402
Поединок. Майкл Суэзвик, Уильям Гибсон Перевод В. Ахметьевой под ред. А. Черткова	427
Сожжение Хром. Перевод А. Етоева, А. Черткова	453

Гибсон У.

Г 46 Нейромант : роман, рассказы / Уильям Гибсон ; пер. с англ. В. Ахметьевой, А. Гузмана, А. Етоева и др. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 480 с. — (Звезды мировой фантастики).

ISBN 978-5-389-08793-4

«Нейромант» — это классический дебют жанрового революционера, которому оказались тесны рамки любого жанра. Это книга, определившая лицо современной литературы на десятилетия вперед. Это краеугольный камень киберпанка — стиля и культурного феномена. Будущее в «Нейроманте» — мир высоких технологий и биоинженерии, глобальных компьютерных сетей и всемогущих транснациональных корпораций, мир жестокий и беспощадный. Буквально по лезвию ножа должны пройти хакер-виртуоз Кейс и отчаянная девушка-самурай Молли, чтобы выполнить таинственную миссию, запрограммированную десятилетия назад в неведомых глубинах искусственного разума...

Кроме романа, открывающего трилогию «Киберпространство», в книгу включен цикл рассказов «Сожжение Хром», среди которых — «Джонни Мнемоник», послуживший основой для культового фильма Роберта Лонго (в ролях Киану Ривз, Такэси Китано, Дольф Лундгрэн), и «Отель „Новая роза“», экранизированный Абе-лем Феррарой (в ролях Уиллем Дефо, Кристофер Уокен, Азия Ардженто).

Переводы публикуются в новой редакции.

УДК 821.111(73)+821.111-312.4

ББК 84(7Сое)+84(7Кав)-445

Литературно-художественное издание

УИЛЬЯМ ГИБСОН
НЕЙРОМАНТ

Редактор Александр Гузман
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Ирина Киселева, Маргарита Ахметова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 03.06.2016. Формат издания 84 × 108^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 25,2. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3 «А».
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах

на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

YAF1680504R